

ДЕТЕКТИВ
С ФИЛФАКА

ТАТЬЯНА
ШАХМАТОВА

УНЕСЕННЫЕ
БЛОГОСФЕРОЙ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ШЗ1

Разработка серийного оформления
С. Власова

Шахматова, Татьяна Сергеевна.

ШЗ1 Унесенные блогосферой / Татьяна Шахматова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Детектив с филфака).

ISBN 978-5-699-95595-4

Город потрясло жестокое преступление — молодую семейную пару изощренно убили в собственной квартире: ее задушили, его вытолкнули в окно. Перед смертью жертвы заказали на дом шикарный ужин, который остался раскидан по комнате, а входная дверь оказалась открыта. Пара вела активную жизнь в социальных сетях, поэтому в следственном комитете решили дать прочесть весь этот гигантский объем переписки филологу, человеку из научной среды, чтобы найти следы угроз, речевой агрессии, сомнительных связей. Опытному лингвисту тексты и контексты, которые они образуют, могут сказать намного больше, чем простому читателю. Поэтому филологу-эксперту Виктории Берсеновой удалось сделать важные выводы о личностях убитых, и, возможно, это поможет раскрыть преступление, ведь обычное следствие зашло в тупик...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95595-4

© Шахматова Т.С., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО СЦЕНЫ
И ПЕРСОНАЖИ ЭТОЙ КНИГИ
ВЫДУМАНЫ, ОНА БАЗИРУЕТСЯ
НА НАУЧНЫХ ФАКТАХ И РЕАЛЬНО
СУЩЕСТВУЮЩИХ ХАРАКТЕРАХ.

ВСЕ ИМЕНА И НАЗВАНИЯ
ВЫМЫШЛЕННЫЕ, ПРЯМОЕ
СООТНЕСЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ
И СОБЫТИЙ КНИГИ С РЕАЛЬНОСТЬЮ –
ЛИЧНОЕ ДЕЛО КАЖДОГО.

Глава 1

Те же раки, только лобстер

---

*Мы не просто переписываемся,
мы живем в Сети, пытаюсь
переписать свою жизнь набело.*

Артем Карапетян,
журналист, писатель

Что-то легкое, прерывистое повисло в воздухе, как перья печного дыма над частным сектором в пятницу вечером. Перья расплывались, ловили друг друга за хвост, пока не перемешались в густую серо-синюю массу. Я резко выдохнул, сел на кровати и помотал головой, пытаюсь стряхнуть остатки этого серо-синего тумана. Только сейчас я понял, что это был не сон. Точнее, не совсем сон. Окончательно проснувшись, я теперь разобрал, что серо-синим туманом мне представился мужской бас, монотонно звучащий за тонкой гипсокартонной стенкой. Кажется, это называется синестезия — цветовой слух. То ли Скрябин, то ли Римский-Корсаков видели свои симфонии в цвете. Мое же видение оказалось более прозаичным. Серо-синим туманом был голос какого-то незнакомого мужика. И что он вообще тут делает в такое время?! Мужик меж тем продолжал:

— Да ладно тебе. Почему не хочешь? Быстренько прочитаешь, и все. Вообще не вижу проблемы...

— Ш-ш-ш-ш, — зашипел на Серо-синего второй голос.

Видимо, они услышали мою возню.

— Каждый писатель мечтает о большом жанре. Разве нет? — снова вступил Серо-синий, прилежно понизив громкость, но я все равно различал каждое слово, потому что гипсокартон только создает видимость настоящей стены.

Я окончательно проснулся.

— Ты издеваешься? — возмущился второй голос. — И вообще, чукча не писатель, чукча — читатель... А читатель мечтает, чтобы минимум слов, максимум пользы.

Второй голос был женским, и это, конечно, Виктория. Моя соседка по квартире. Девушка старалась говорить тихо, почти шепотом, и следующие несколько фраз я не расслышал, однако через пару секунд она вдруг воскликнула довольно беспардонно:

— Черт, как много-то! Это же две «Войны и мира» как минимум!

— Но у тебя же скорочтение... — пробормотал Серо-синий.

— Что случилось? — снова зашептала она, спохватившись.

— Сегодня ночью мужа и жену убили в собственной квартире. Следов взлома нет. Ее задушили. Его — вытолкнули из окна десятого этажа.

Мужчина говорил ровным спокойным шепотом, который никак не увязывался в моей голове с тем, что он говорил. Я уже вновь готов был усомниться, слышу ли все это наяву, и собрался было хорошенько ущипнуть себя под одеялом, но тут снова вступила девушка:

— Прискорбно, конечно. Но при чем тут я? — Ее вопрос звучал с неподдельным изумлением.

Значит, все-таки не сон.

— Ты ж филолог! — убежденно констатировал голос.

— Вот именно! — вздохнула она.

Раздался звук отодвигаемого стула. Ее шаги — быстрые и уверенные. Хлопнула форточка. Секунда. Щелчок. Так и есть — она перечеркнула три дня своего героического воздержания, и я почувствовал запах сигаретного дыма.

— Начальству виднее. Мне было сказано подключить филолога. Я пришел к тебе.

— Все в этом мире безумно. Все. Кроме имени Чакраборти Митхуна! — выдохнула Вика в пустоту, так как вряд ли собеседник оценил цитату. — Филолог. Это специалист. В области русского языка. И литературы, — продолжила она, разделяя слова. — Я ничего не знаю об убийствах, кроме того, что о них пишут в детективных романах.

Наш утренний гость вряд ли понял, при чем тут Митхун Чакраборти, однако иронию он уловил:

— Виктория Александровна, ты же знаешь, я человек подневольный, так что бери распечатки.

— Распечатки чего? — жалобно отозвалась она.

— Переписки убитых в социальных сетях.

— Да господь с тобой! Филолог-то вам тут зачем?

Голоса замолчали. Я слышал только, как она шумно затягивается и так же шумно выдыхает. Едва слышно хрустнул новенький ламинат: гость тоже переместился поближе к окну.

— Но ведь убийство — это по-любому лучше, чем следить, кто у кого сюжетик свистнул, или разбираться, кто кого дураком обозвал?! — снова заговорил мужчина.

Вопрос сам по себе был поставлен неслабо. Либо товарищу в детстве не читали бессмертное стихотворение Маяковского про то, что все профессии хороши. Либо мужика вконец замордовало начальство, и ему стало все равно, что выбор деятельности давно признан неблагоприятным предложением для спора.

— Сюжеттики и «кто кого обозвал» — это по моей части. Я, черт побери, филолог или кто? А вот убийства — это по вашей. И не надо мне тут огород городить.

Она отреагировала, как я и ожидал, и тишина затопила комнату на несколько секунд.

— Вик, ты так говоришь, как будто это я придумал, — снова начал мужчина с явной досадой в голосе. — Я как генерал сказал...

— А что генерал сказал? — живо перебила она.

Снова молчание. Теперь я слышал только сопение раннего гостя.

— Генерал сказал «черт ногу сломит», — выдохнул он наконец и весомо добавил: — Без поллитры и без филолога не разобрать.

— Именно о филологе шла речь? — с сомнением уточнила Вика, шумно затягиваясь. — Не о психологе? Не о социологе?

— Еще скажи, о патологоанатоме, — пошутил мужчина, но шутка явно не удалась.

— А это не вы на прошлой неделе назначили сексолого-лингвистическую экспертизу?

— Сексолого-лингвистическую?! Это как? — хотнул голос.

— Вот мне тоже хотелось бы знать, — ехидно проговорила Виктория. — Журналисты окрестили какого-то чиновника «лицом с нетрадиционной сексуальной ориентацией». Следователям поручили проверить...

— Это сто процентов прокуратура, — довольно засмеялся голос, который, по методу исключения, принадлежал кому-то из работников Следственного комитета. Теперь стало понятно, почему сонное под-сознание выбрало для этого голоса серо-синюю гамму: видимо, не зря говорят, что наш мозг умнее нас самих, серый цвет соответствовал колеру формы следователей нашего славного следственного ведомства.

Поняв, что разговор только начался, а выползть пред очи неизвестного мне следака в одних трусах не хотелось, я нащупал на своем столе ноутбук. Часы показывали только 6.15. Ничего себе у них там спешка! Видимо, убитые муж с женой не простые смертные. Такой вот каламбур: не все мертвые простые смертные. Мда.

Онлайн, естественно, почти никого не было. Во всяком случае, из значимых. Я открыл Фейсбук и посмотрел оставленные сообщения. «Голая Эмма Уотсон, Одетт Энейбл или Скарлетт Йохансон?» — спрашивал один из участников группы «Философия эротики». Это закрытая группа только для нескольких друзей. Простой треп. В опросе вела Скарлетт. Я скинул комментарий: «Тройная порция счастья» — и улыбнулся, парни опять называют меня «дипломатичным паДонком». На второй вопрос: «Совершал ли кто-нибудь из нас что-то по-настоящему опасное в этой жизни?» — уже имелись ответы: «Каждый день добираюсь до универа на маршрутке» и «Ел шаурму на рынке». Парни не слишком откровенничали.

Я собирался добавить что-то в том же духе, но разговор за стенкой снова привлек мое внимание: Вика пререкалась с гостем все громче.

— Ну, может, про сексолого-лингвистическую — прокуратура. Зато про толкиенистов точно вы! — безапелляционно завершила она.

— А с толкиенистами что? — удивился мужчина.

— Являются ли почитатели книг Толкиена социальной группой и можно ли их оскорбить по этому признаку...

— И кто к тебе такое направил?

— Эска, — так она сокращала Следственный комитет.

— Социальными группами социолог занимается, даже я знаю. — Голос Серо-синего окрасился недоумением.

— Мне разъяснили, что Толкиен — писатель, а значит, толкиенистами должен заниматься филолог, — со смехом сказала Виктория, но в ее тоне слышалась надежда на то, что товарищ поможет избавиться от этой кулебяки, уже несколько недель висевшей на ее балансе. Значит, чин у перца немаленький.

— Кто разъяснил? Фамилию под определением посмотри, — озаботился перец.

— Какой-то Федяков.

— Услышал, ага.

Это «ага» прозвучало прямо-таки иезуитски; судя по всему, некто следователь Федяков, плохо разбирающийся в сферах ответственности современных гуманитарных наук, попал как минимум на выговор. Тем не менее я не разделял злорадства серо-синего гостя. В нашем мире, который кипит словами, как мировой первобытный бульон кипел зарождающейся жизнью, языковые путаницы сплошь и рядом. Слово играет в мире информационных технологий слишком большую роль. А чем серьезнее роль, тем выше цена ошибки, тем чаще эти ошибки происходят.

Путаницы и конфликты, произошедшие при участии слов, разруливала моя соседка за гипсо-

картонной стеной, эксперт-филолог Виктория: клевета, оскорбление, вред деловой репутации, сомнительные журналистские расследования, угрозы, речевая агрессия, плагиат и тому подобные неудобные, неправильные, обидные речи и слова. Короче говоря, я и сам во всем этом еще не до конца разобрался и Федякова, залетевшего на выговор, мог только пожалеть. В слове нынче сила. Иначе зачем бы следственным органам понадобился простой филолог вроде моей соседки?

Получив свою дозу никотина, уважаемый эксперт подобрела и продолжать перечисление подвигов следователей на научном поприще не стала.

— Рассказывай, раз принес... — проговорила Виктория тоскливо.

— Соседи ничего не слышали, — забубнил мужчина. — Следов взлома не было, то есть хозяева сами впустили убийцу. Дело происходило ночью, значит, он не мог представиться газовиком или почтальоном. Скорее всего жертвы и убийца были знакомы. А дальше начинается мистика. Убийца ничего не взял и следов никаких не оставил.

— Как это никаких?

— Вообще никаких.

— Так не бывает.

— Я же говорю, мистика.

— И ничего необычного в квартире?

— Ничего. Если не считать лобстеров, разбросанных по полу в комнате.

— Кого?

— Не кого, а чего. Лобстеры, их еще называют омары...

— Я в курсе, кто такие лобстеры. Только они все-таки «кто».

— Что? — не понял голос.

— Не важно, — нетерпеливо перебила Виктория. — Откуда лобстеры?

— Молодые люди ужинали, когда убийца проник в квартиру. Фото с места преступления позже привезу, посмотришь на этот натюрморт. В службе доставки ресторана есть сведения, что с этого адреса часто заказывали дорогие модные блюда.

— Боже мой, какой бред!

Далее она пробормотала что-то нечленораздельное и скорее всего нецензурное и вдруг спросила отчетливо:

— Ты ел когда-нибудь лобстеров?

— Нет, — удивился мужчина. — А что?

— Да ничего, просто спрашиваю. У меня на ракообразных аллергия. Горло начинает чесаться, а потом ужасно распухает, и дышать не могу. Но, наверное, очень круто это есть.

— Ну наверное, — протянул он и вдруг живо добавил: — Вот видишь, сама говоришь «это есть». Так что лобстеры — это «что»!

— Нет-нет, лобстеры — это «кто», — заупрямилась Виктория.

— Почему?

— Потому что... Все, не отвлекайся, давай дальше! Значит, семья была состоятельная?

— Вполне. Но это не ограбление. Нет, ты все-таки как филолог объясни мне, почему лобстеры это «кто», а не «что»?

— О-о-о, — в притворном нетерпении заняла она. — У тебя два трупa, а ты про лобстеров!

— Должен же я знать, за что тебе деньги платят? А то непонятно.

Судя по звукам, она сделала круг по комнате и плюхнулась на диван.

— Ладно. Рассказываю. Если коротко, то у одушевленных существительных винительный падеж

множественного числа совпадает с родительным падежом. Например: Я ем мужчин. В женской бане нет мужчин. Я ем лобстеров. У нас нет лобстеров. А у неодушевленных существительных — они не совпадают. Я ем макароны. В доме нет макарон. Еще в конце прошлого века Антон Павлович Чехов писал, что ел устрицЫ, а не устриц, и лобстерЫ, а не лобстеров. Но сейчас категория одушевленности этих слов устаканилась. Понятно?

— Нет, — обескураженно произнес голос, который, видимо, не ожидал таких сложностей. — Зачем это все?

— Наверное, зачем-то надо, раз ты ко мне с этой своей папкой ни свет ни заря приперся, — колко заметила Виктория.

Мне стало ясно, что мужчина был знаком с Викой недавно: он пытался продолжать, но ее любимая мозоль уже была потревожена. Иногда получалось довольно весело. Я затаился.

— Ладно, рак, который к пиву, это «кто» или «что»? — спросила она.

— Рак... Ну рак... Наверное, «кто», — неуверенно сказал голос.

— Ну вот, а лобстеры — те же раки. Просто с раками русскоговорящие люди давно знакомы, нырни в Волгу, там рак по дну ползает, сразу понятно, что это «кто» ползает. А лобстеры до сих пор экзотика в виде ресторанного блюда. Поди разбери — «кто» или «что» там на тарелке лежит. Отсюда и путаница.

— Верно, — согласился голос, в котором зазвучали радостные нотки понимания.

— И покойник, между прочим, — это тоже «кто», — добавила Вика уже дружелюбнее.

— Почему? Покойник — это труп. Другими словами — мертвое тело, — запротестовал голос. — Тело — это «что», тем более если тело мертвое.